

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ МАРИОНЕТОЧНЫЙ “БУФЕР” В ПРИБАЙКАЛЬЕ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В статье рассматривается наполненный коллизиями и не лишённый острого драматизма процесс создания “буферного” государства на российском Дальнем Востоке. Показано, что длительное время центральное большевистское руководство не имело никакого, даже общего, представления о том, каким именно должен быть “буфер”. А прибайкальские большевики, в отличие от приморских коммунистов, в большинстве своём выступали против любых, даже декоративных отступлений от практики Советской России, полагая, что “буферная” тактика – это просто дипломатические разговоры, а вовсе не политические уступки. Лишь с середины 1920 г. “буферная” политика Москвы получила, наконец, конкретные очертания.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Прибайкалье, Советская Россия, большевистская политика, «буферная» тактика.

Принципиальным решением о создании “буферного” государства – Дальневосточной республики – в историографии принято считать постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 18 февраля 1920 г. Его смысл – образовать искусственное и временное “буферное” государство за Байкалом для отсрочки неминуемого военного столкновения с Японией [1]. Однако поставленная Москвой перед сибирскими и дальневосточными большевиками задача не содержала никаких конкретных деталей и была сформулирована лишь в самом общем виде. Поэтому ни в очищенном от “белых” и интервентов Прибайкалье, ни в, наоборот, наполненном японскими войсками и по сути оккупированном ими Приморье ещё довольно долго не было ясного понимания ни формы, ни содержания власти будущего государства. Да и судьба самого “буфера” – быть ему вообще или нет – не раз висела на волоске. Такое положение объяснялось не чем иным, как отсутствием у московского руководства сколько-нибудь конкретного плана, – какую именно тактику избрать в отношении региона.

Вместе с упомянутой директивой Москвы тогдашний председатель дальневосточного комитета РКП (б) И.Г. Кушнарёв получил в конце марта 1920 г. в Иркутске краткую информацию от председателя Сибирского ревкома И.Н. Смирнова: “В Верхнеудинске образуется “буферное” правительство, при котором наш уполномоченный т. Краснощёков. Все дальневосточные правительства должны согласовываться с действиями и складываться по типу Забайкальского (в действительности речь о Прибайкальском, или, иначе, Верхнеудинском правительстве, поскольку в Забайкалье вплоть до конца октября 1920 г. находилась так называемая “читинская пробка” – прояпонский режим атамана Семёнова. – А.А.) ...Даны будут указания дальневосточным партийным бюро (группам большевистского Дальбюро в Верхнеудинске и Владивостоке. – А.А.) после выяснения положения Забайкалья (Прибайкалья. – А.А.) и выработки государственного строя “буферного” государства” [2].

Как видно, решение вопроса о форме власти “буфера” и конкретном содер-

* © Азаренков А.А.

жании его политики на какое-то время откладывалось. Вполне вероятно, эта неопределённость тогда была связана с неясной и быстро менявшейся ситуацией в регионе и отсутствием у Москвы достоверной информации из-за отсутствия регулярной связи. Скорее всего, в создавшейся тогда обстановке большевистское руководство понятия не имело, что именно делать с Дальним Востоком, а потому предпочло не делать вообще ничего и временно “заморозить” какие-либо конкретные шаги в отношении региона, воздержавшись лишь от его немедленной советизации.

Не был ясен и упомянутый сибирским большевистским лидером И.Н. Смирновым “тип” Верхнеудинского “буфера”. По той же причине – отсутствию конкретных директив Москвы – приморские большевики, связанные непосредственным присутствием в этой области Дальнего Востока японских интервентов, были вынуждены принимать важнейшие решения самостоятельно, будучи поставлены перед необходимостью немедленно создавать какую-то “промежуточную” демократическую форму власти. Непоследовательные тактические шаги приморских коммунистов определялись обстоятельствами, складывавшимися под влиянием извне, а потому носили характер оперативного реагирования на те или иные постоянно возникавшие проблемы, связанные с угрозой военного вмешательства интервентов. За сравнительно короткое время в Приморье при активном участии большевиков было создано “буферное” образование. С созывом Временного Народного собрания Дальнего Востока, ставшего органом власти парламентского типа, здесь утвердился основанный на принципе разделения властей легитимный режим. Дипломатическое и военное давление извне вынудило проводить курс на последовательную демократизацию приморского “буфера”, привлечение социалистических и даже буржуазных политических группировок, а также беспартийных “цензовых” элементов к участию в государственном строительстве.

“Буфер” в Приморье сыграл свою роль и на несколько месяцев отвлек внимание интервентов от событий в Прибайкалье, а Москва получила время для обдумывания ситуации в регионе и выработки плана “буферного” тактического маневра.

В то время как в Приморье полным ходом началось строительство реально самостоятельного “буферного” государства с демократическими институтами власти, в Прибайкалье, как ни в чём ни бывало, продолжала существовать привычная земская власть – орган областного самоуправления. Однако такая конструкция была приемлема лишь на переходном этапе, в качестве временной замены прежней колчаковской администрации. Поэтому после директивы Москвы о создании “буфера” перед коммунистами в Прибайкалье встал задача реорганизации земства, изначально являвшегося только местной властью, во власть государственную, а в перспективе – и общерегиональную. Этот шаг имел даже не столько политическую, сколько пропагандистскую направленность: от имени самого населения провозглашалось создание “буфера” и избирались структуры власти, приемлемые для держав, а значит, полномочные для ведения от своего лица дипломатических переговоров с Японией и, возможно, с Америкой.

28 марта 1920 г. в Верхнеудинске прибайкальские большевики инициировали созыв так называемого “съезда трудового населения Прибайкалья”, призванного сыграть роль учредительного и легитимировать перед державами

полностью подконтрольную коммунистам власть. Выборы его делегатов (около 350 чел.) проводились на основе смешанного территориально-производственного принципа: от волостных самоуправлений, казачьих станиц, сельских исполкомов, армии, профсоюзов и других общественных организаций. Представительство от крестьян определялось весьма приблизительно и исходило из расчёта: 1 делегат на 1000 человек, от рабочих и солдат – 1 делегат на 300 человек. О подлинно демократических выборах не было и речи, поскольку применялось положение Конституции РСФСР 1918 г., лишавшее избирательных прав “эксплуататорские классы”. Более того, на самом съезде производилась дополнительная “фильтрация” делегатов путём лишения нежелательных элементов права решающего голоса [3]. Работой съезда полностью руководили коммунисты, а сам он вряд ли может считаться легитимным.

Социалистические группировки, по решению своих сибирских партийных центров, отказались войти в состав создаваемой таким образом власти. Тем не менее, представители от социалистов принимали участие в работе съезда в качестве делегатов, избранных от органов самоуправления.

Эсеры и меньшевики использовали трибуну съезда для борьбы за демократизацию прибайкальского “буфера”. Меньшевик В.Е. Мандельберг предложил обсудить вопрос об участии во власти социалистических партий, обязав коммунистов прийти к соглашению с руководящими центрами ПСР и РСДРП относительно их условий [4]. Социалисты поставили под сомнение продекларированный демократический характер Верхнеудинского режима, в частности, порядок выборов делегатов на учредительный съезд. “Созидая “буфер”, нужно создать в нём истинно демократическую власть, – заявили меньшевики. – При демократической же власти по самому существу принципа демократизма обязательно все должны пользоваться всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием” [5]. Эсеры предложили съезду принять за основу формулу созыва Учредительного собрания с участием в нём представителей всех слоёв населения, избранных на принципах так называемой “четырёххвостки” – всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании [6].

Однако послушное коммунистам большинство съезда отвергло эти предложения. “Нужно, чтобы в “буфере” была власть в руках рабочих и крестьян, – заявил выступивший от имени рабочих делегат Белоусов. – Нечего брататься с буржуазией и вводить всеобщее, равное для всех голосование, как здесь предлагают правые социалисты. Это будет преступление против народа” [7]. Аналогичный настрой присутствовал в выступлениях многих других делегатов. Все без исключения поправки, предложенные на съезде эсерами и меньшевиками, были отклонены.

Большинство съезда продолжало мыслить идею “буфера” лишь как смену вывески при сохранении советских форм и содержания проводимого курса. “У народа – стремление к советской власти. Вынужденные пойти против этого стремления, то есть создавая иную, смешанную власть, мы, однако, ни на йоту не должны отступать от советских идей”, – подчеркнул делегат Лебедев [8]. А одна из предложенных большинством съезда поправок к резолюции о власти в “буфере” вовсе предусматривала исключение из её состава представителей земства как “не заслуживающих доверия трудового населения”. Нет особых сомнений, что она была бы принята, если бы не вмешательство докладчика по вопросу о текущем моменте А.М. Краснощёкова: “Исключив представителей

земства из состава власти, мы тем самым исключаем самую сущность “буфера”, который построен именно на начале привлечения к власти представителей общественности и всех социалистических партий” [9]. После такого заявления внесённая поправка всё же была отклонена.

6 апреля 1920 г. съезд утвердил декларацию об образовании Дальневосточной республики (ДВР). В этом документе говорилось о создании на территории Верхнеудинского “буфера” “демократической власти, олицетворяющей волю всего народа, выявляемую через его избранных представителей”. Всем группам населения гарантировались демократические свободы, “обеспечивающие мирное развитие общественных сил” [10]. Официально новая власть называла себя “народно-революционной” [11]. В качестве органа такой власти декларация съезда определила Временное правительство ДВР – “пленум народно-революционной власти”. Сосредоточивая все военные и гражданские полномочия, Временное правительство было связано главной задачей – “выработать закон о народном Учредительном собрании и подготовить созыв такового”. Указывалось, что Учредительное собрание будет создано, “как только завершится объединение Забайкалья (Прибайкальской области. – А.А.) с другими областями русского Дальнего Востока, дабы дать ДВР демократическую Конституцию” [12].

Если осмыслить содержание процитированных положений, то внешне декларация выглядит достаточно привлекательно, поскольку предполагает, что власть избирается волей народа и в дальнейшем собирается согласовывать с народом же свои действия. Более того, эта власть – временная, и в будущем она подготовит созыв народного представительства – Учредительного собрания всего региона, и уступит ему своё место. Однако если рассматривать декларацию не изолированно, а в реальной обстановке того времени, с учётом как предшествовавших её появлению, так и последующих событий, иными словами, если наполнить её формулировки конкретным содержанием, то лишь с очень большой натяжкой можно будет назвать утверждавшийся в Прибайкалье режим демократическим даже по его форме.

Что из себя представлял “пленум народно-революционной власти” – Временное правительство? Ещё накануне созыва коммунистами съезда, когда социалистические партии входили в Президиум земской власти Прибайкалья, Верхнеудинская группа Дальбюро РКП (б) предприняла очередную попытку убедить эсеров и меньшевиков согласиться участвовать во Временном правительстве ДВР. Для решения этого вопроса была созвана межпартийная согласительная комиссия. На её заседании 27 марта 1920 г. социалисты выдвинули свой проект формирования временной “буферной” власти. В основу проекта был положен “соборный” принцип корпоративного представительства от политических партий и общественных организаций. В состав пленума власти, согласно проекту, делегировались по 3 представителя от каждой из политических партий коммунистов, эсеров и меньшевиков, 3 кандидатуры от областного земства и по одной – от крестьян, рабочих и кооперации. Из своего состава пленум выделял более узкий президиум – 6 человек (по 2 от каждой из политических партий) [13].

Такая конструкция устраивала социалистов по двум причинам. Во-первых, она давала возможность практически осуществить важнейший демократический постулат – разделение властных функций и институтов власти на за-

конодательные и исполнительные. Во-вторых, паритетный принцип формирования президиума власти позволял де-факто провести в жизнь одно из главных условий сибирских центров социалистических партий – согласие Москвы на создание “буферного” государства с участием социалистов непременно должно быть закреплено законодательным актом ВЦИК и СНК РСФСР в качестве официального соглашения центральных комитетов РКП (б), РСДРП и ПСР.

Со своей стороны, большевики настаивали на расширении состава пленума образуемой власти. Помимо предложенного социалистами состава этого органа, в него вводилось такое же число членов, избранных “съездом трудового населения”. Президиум, по проекту коммунистов, должен был состоять из выделенных пленумом 5 лиц: по одному от каждой из трёх партий, а также по одному представителю от рабочих и от крестьян. Кроме того, большевики, как и прежде, выдвигали дополнительные условия, касавшиеся распределения министерских постов. Четыре ключевых портфеля – административный, труда, военный и иностранных дел – оставались “забронированными” за РКП (б). Весь высший состав армии назначался только Москвой и состоял из одних коммунистов [14].

Понятно, что предложенный большевиками проект создания власти Верхнеудинского “буфера” совершенно однозначно был нацелен на закрепление за РКП (б) командных позиций и сохранял возможность осуществления политической диктатуры партии в сфере управления. Член Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) А.А. Ширямов в информации для ЦК партии особо выделял тот факт, что решение Дальбюро в любом случае обеспечить созыв “крестьянско-рабочего съезда” преследует цель добиться “преобладания в пленуме трудовых элементов” [15].

Эсеры и меньшевики категорически отказались от участия во власти на столь неравноправных условиях. К моменту открытия учредительного съезда из-за этого создалось критическое положение. “Активное участие правых социалистических партий и даже земцев в строительстве “буфера” необходимо для установления видимости для иностранцев”, – телеграфировал А.М. Краснощёков члену Сибревкома В.М. Косареву [16]. Между тем земская власть официально уже сложила свои полномочия, а социалисты в составе органов самоуправления получили категорические указания своих сибирских партийных центров ни в коем случае не соглашаться на уговоры коммунистов заставить земство выполнять во всём объёме функции государственной власти [17].

Прибайкальские большевики предприняли ещё одну попытку привлечь социалистические группировки к строительству “буфера”, на этот раз от имени “съезда трудового населения Прибайкалья”. Последний принял специальную резолюцию – “Обращение к социалистическим партиям”, в которой эсеры и меньшевики призывались “прийти на помощь трудовому народу в его созидательной работе, приняв участие в формировании органов государственной власти” [18]. Однако и это обращение, впрочем, не обещавшее никаких уступок, осталось без ответа. 5 апреля 1920 г. члены Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) направили в ЦК и лично В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому паническую телеграмму, в которой сложившееся положение характеризовалось как угрожающее: “Ввиду отказа меньшевиков, эсеров, также земцев войти в новое правительство – “буфер” на волоске” [19].

Тем не менее, в полном соответствии с предыдущей ленинской ультиматив-

ной угрозой эсерам и меньшевикам от 9 марта 1920 г., коммунисты не сделали социалистам никаких уступок [20]. В результате съезд избрал пленум власти только из 14 представителей (вместо намеченных 25). Выборы производились отдельно от каждой из формально беспартийных курий: 10 представителей от крестьян, 2 – от рабочих, 1 – от армии, 1 – от казачества. В числе прошедших в состав Временного правительства ДВР от крестьян были коммунисты А.М. Краснощёков (он стал председателем правительства), Ф.Н. Петров, Д.К. Смолин, Н.К. Гончаров, А.А. Ширямов, А.И. Блинников. “6 известны как коммунисты, остальные свои, но считаются беспартийными, 2 даже бывших эсера. Кроме них, вошло 2 бурята правые, один эсер от сибсоюза”, – телеграфировал А.М. Краснощёков в Москву [21]. 11 мест в составе Временного правительства остались вакантными, поскольку предназначались для политических группировок, а также представителей от земства.

Временное правительство получило всю полноту гражданской и военной власти на территории Прибайкалья. Из своей среды оно избрало президиум в составе 9 членов. Президиум назначил ещё один коллегиальный орган власти – Совет министров. Министрами могли быть как члены Временного правительства, так и любые другие приглашённые в его состав лица. Таким образом, пленум власти – Временное правительство ДВР – представлял собой широкую по составу структуру, концентрировавшую законодательные и исполнительные функции по образцу советов РСФСР. В рамках этой “работающей корпорации” действовали две коллегии – президиум и Совет министров. Соответственно, первая коллегия задумывалась для подготовки и издания правовых норм, вторая – для их исполнения.

Однако правовой статус пленума “буферной” власти (т.е. самого Временного правительства) за весь период его существования так и не был разработан. Хотя с течением времени довольно громоздкая структура Верхнеудинского государственного образования претерпела определённые и, судя по всему, неизбежные изменения в сторону её упрощения. Практика работы постоянно действующих президиума и Совмина, тесно связанных между собой отсутствием сколько-нибудь чёткого разделения функций, сделала существование пленума излишним. Начиная с сентября 1920 г. последний вообще перестал созываться. Фактическая ликвидация пленума вела к значительному усилению роли узко-коллегиального президиума. Концентрация полномочий в руках нескольких лиц произошла и в Совете министров. Последний стал работать в пленарном порядке, а его постояннодействующим звеном, созданным для “оперативного рассмотрения” текущих вопросов, сделался президиум Совмина [22].

Такова в общих чертах структура власти Прибайкальского “буферного” образования, просуществовавшего с апреля по октябрь 1920 г. под названием “Дальневосточная республика”. Подведём итоги. Созданная именем народа, волей его представителей – делегатов “съезда трудового населения Прибайкалья”, “народно-революционная власть” строилась исключительно на основе использования “заготовок” и накопленного опыта советской политической системы. Обеспечивалось соединение законодательных и исполнительных функций и органов власти, осуществляющих эти функции. Власть наделялась исключительно широкими полномочиями при том, что она сосредоточивалась в руках всего лишь нескольких лиц: 9 членов президиума Временного правительства и 3-4 членов президиума Совмина. Структуры власти Прибайкалья

оставались полностью безответственными и никому не подконтрольными, ибо, в отличие от Приморья, в Верхнеудинском “буфере” до созыва Учредительного собрания Дальнего Востока не предусматривалось создания временного представительного учреждения – предпарламента. Единственный представитель от оппозиции – член Сибирского союза эсеров, вошедший в состав Совета министров, не играл никакой реальной роли, поскольку не был включён в президиум Совмина. Все официальные посты в структурах власти Прибайкальского “буфера” занимали исключительно коммунисты. Поэтому утвердившийся в Верхнеудинске политический режим можно считать демократическим по одной лишь его вывеске, и не более. Хуже того, тенденция в эволюции системы власти однозначно указывала в сторону всё большего авторитаризма.

Такой подход к строительству власти объяснялся неготовностью и нежеланием местных коммунистов создавать “буфер” всерьёз и по существу, на практике отказываясь от проведения советской модели. ДВР мыслилась большинством местных большевистских функционеров лишь как дипломатическая ставка Москвы, её кратковременный тактический маневр, но никак не в видах особого государственного организма с отличной от советской формой власти.

Между тем внимание большевистского руководства вплоть до середины лета 1920 г. было сконцентрировано на совсем другом, европейском, направлении – военных действиях против Польши, которые должны были “подтолкнуть” пролетарскую революцию, а следовательно, обеспечить последующую помощь Стране Советов со стороны победившего пролетариата Запада. И только провал этих надежд заставил Москву вернуться к дальневосточной проблеме.

17 июля и 5 августа 1920 г. вопрос о “буфере” обсуждался на пленумах ЦК РКП (б). Решено было образовать комиссию в составе Г.В. Чичерина, Н.Н. Крестинского и Е.А. Преображенского для подготовки проекта теперь уже развёрнутой директивы. Комиссия обсудила доклад Сиббюро ЦК, который сделал И.Н. Смирнов, а также тезисы, от имени Верхнеудинской группы Дальбюро представленные прибывшим в Москву Краснощёковым. Предложения последнего и были приняты комиссией ЦК за основу подготовленного проекта [23]. Этот проект 13 августа 1920 г. рассмотрело и утвердило Политбюро ЦК РКП (б). Директивный документ получил название “Краткие тезисы по Дальневосточной республике”. В нём определялись форма организации буфафорского по своей сущности “буферного” государства, основные черты и механизмы реализации “мягкого”, “завуалированного” большевизма на Дальнем Востоке. “Буферная” политика Советской России получила, наконец, конкретные очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Архивохранилище документации новейшей истории Государственного архива Читинской области (Чита; далее – АДНИ ГАЧО). Ф. 4307. Оп. 2. Д. 904. Л. 12, 14.
[2] Там же. Л. 12-13.

В черновых вариантах своих воспоминаний, не попавших в тщательно отредактированные и отретушированные опубликованные мемуары П.М. Никифорова, и отложившиеся в его личном архивном фонде, будущий премьер ДВР отмечает, что при образовании двух групп Дальбюро РКП (б) в марте 1920 г. “ЦК партии, не предопределяя политического режима на Дальнем Востоке, исключал только возможность восстановления там Советской власти. Установление политического режима и формы власти предоставлялось на усмотрение Даль-

- бюро с последующим утверждением ЦК партии... Таким образом, было твёрдо определено, что Дальбюро и коммунистические организации должны были положить в основу своей деятельности по изживанию интервенции не военную, а политическую тактику". – См.: Записи, заметки, наброски, выписки П.М. Никифорова по истории создания ДВР. – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва; далее – РГАСПИ). Ф. 144. Оп. 1. Д. 80. Л. 144.
- [3] Протоколы заседаний съезда трудящихся Прибайкалья. – Архив внешней политики России (Москва; далее – АВП РФ). Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 1. Л. 10-36об.; См. также: Информация И.Н. Смирнову (в Москву, ЦК РКП (б)) из Верхнеудинска (от члена Дальбюро РКП (б) Н.К. Гончарова) о военно-политическом положении в Забайкалье и на Дальнем Востоке от 1 апреля 1920 г. – Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Сибирского бюро ЦК РКП (б) и Сибирского революционного комитета / Сост. М.П. Малышева, В.С. Познанский. Гос. арх. Новосибир. обл. Новосибирск, 1996. С. 32-33; См. также: Гавло Ю.Н. Государственный строй ДВР. Томск, 1978. С. 13-19; Сонин В.В. Становление ДВР (1920–1922 гг.). Дис. ...д-ра ист. наук. Владивосток, 1990. С. 88-89.
- [4] АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 1. Л. 16об.
- [5] Там же. Л. 17.
- [6] Там же. Л. 18.
- [7] Там же. Л. 18.
- [8] Там же. Л. 18об.
- [9] Там же. Л. 19об.
- [10] Сонин В.В. Становление ДВР... С. 88-89.
- [11] Там же. С. 90-91; См. также: Гавло Ю.Н. Государственный строй ДВР... С. 16.
- [12] Сонин В.В. Становление ДВР... С. 89.
- [13] Краткая отчётная сводка Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) для ЦК РКП (б) от 29 марта 1920 г. (Составлена А.А. Ширямовым по поручению Дальбюро РКП (б)). – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 19; Архивохранилище документации новейшей истории Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск; далее – АДНИ ГАХК). Ф. 487. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
- [14]. Там же.
- [15] Там же; См. также: Отчёт Верхнеудинской группы Дальбюро РКП (б) в ЦК РКП (б). (Составлен А.А. Ширямовым и Н.К. Гончаровым; точная дата в документе не указана). – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 8; См. также: Телеграмма члена Дальбюро РКП (б) Н.К. Гончарова в Омск (Сиббюро ЦК РКП (б)) от 24 марта 1920 г. – РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21. Л. 102.
- [16] АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 12. Д. 18. Л. 141-141об.
- [17] Инструкция Всесибирского краевого комитета ПСР дальневосточным партийным работникам (точная дата в документе не указана). – РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.
- [18] Гавло Ю.Н. Государственный строй ДВР... С. 16.
- [19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 248. Л. 49; АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 10. Д. 3. Л. 138.
- [20] Известная телеграмма В.И. Ленина председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 9 марта 1920 г. гласила: "Никаких условий с эсерами и меньшевиками: либо подчиняются нам без всяких условий, либо будут арестованы". – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 156.
- Одновременно В.И. Ленин направил телеграмму в Иркутск уполномоченному Наркоминдел в Сибири Я.Д. Янсону почти аналогичного содержания: "Меньшевики и эсеры должны войти в "буферное" правительство без всяких условий. Если не подчинятся нам без всяких условий, будут арестованы". – Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 413.
- [21] АВП РФ. Ф. 490. Оп. 1. Папка 12. Д. 18. Л. 199.
- [22] Государственный архив Хабаровского края (Хабаровск; далее – ГАХК). Ф. 18. Оп. 1 (Вступительный текст к описи). Л. 5; См. также: Сонин В.В. Становление ДВР... С. 90-92.
- [23] АДНИ ГАЧО. Ф. 4307. Оп. 2. Д. 904. Л. 14; РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 158. Л. 6а; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (Владивосток; далее – РГИА ДВ). Ф. Р-4634. Оп. 1. Д. 495. Л. 570.

A.A. AZARENKOV
BOLSHEVIKS' PUPPET' "BUFFER" IN PRIBAJKALJE AND THE PROCLAMATION OF THE FAR EASTERN REPUBLIC

The candidate of Historical Science, associate professor,
Senior research worker of the Amur State University
of Pedagogy and Humanities, Komsomolsk na Amure

The article deals with the collision loaded and dramatically peaky process of the establishing of the "buffer" state in the Russian Far East. The central Bolsheviks' governance is shown as the one, that didn't have any general concept of what a "buffer" should be like. But most of the Pribaikalje Bolsheviks, as opposed to the Primorje communists, disputed against all the deviations from the Soviet Russia's practices, even the decorative ones, supposing the "buffer" tactics to be just diplomatic talks, instead of real political concessions. Only from the middle of 1920 the "buffer" politics of Moscow had finally got a concrete outline.

Key words: Far East republic, Pribaikalye, the Soviet Russia, the Bolshevik policy, "buffer" tactics.